

нашел нужные средства: общий округлый абрис головы, мягкие завитки бороды, какие-то «домашние» «кудерцы» волос, спокойный, ласковый взгляд.²⁴

Еще более народные, демократические черты в образе Николы дают почувствовать некоторые иконы XIV—XV вв., преимущественно северные, и равно резные образки из камня и дерева. Изображенный бесхитростной кистью провинциального художника на выносной иконе из деревни Пирозеро, Оятского района,²⁵ Никола сам такой же немудрящий и простоватый, несколько неуклюже косоплечий, «деревенский», далекий от высокоинтеллектуального облика, подчеркнутого новодевичьей иконой (рис. 3). Это святой, близкий по уровню и даже по внешнему облику к крестьянину, хорошо его понимающий и в свою очередь доступный ему, может быть, сам из крестьян, лишь одетый в епископскую одежду.

Таким же «своим», простоватым, но деловым стариком с асимметричными чертами лица, выглядит Никола и на каменном образке XIV—XV в.²⁶

Наконец, в стенной росписи Ферапонтова монастыря, около 1500 г., изображенный кистью великого мастера, Никола предстает в классическом русском образе, в котором соединились и интеллектуальная значительность, богатство духовной жизни, и доброта, ласковость чуть грустноватого, многоопытного старца (рис. 4).²⁷

Чтобы лучше понять направление и смысл эволюции образа Николы в древнерусском изобразительном искусстве, интересно сопоставить ее с литературными и фольклорными произведениями об этом святом.

В раннем русском литературном памятнике, подобно тому как и в ранних русских живописных изображениях, Никола рисуется высокими, но, так сказать, нейтральными чертами в духе общей, безличной, стандартной агиографической и гимнологической поэтики: «похвала апостольская», «святыни податель», «проповедник истины», «монастырем твердое и недвижимое основание» и пр.²⁸ Но как скоро древнейшим литературным произведениям приходилось ближе и конкретнее касаться жизни и деятельности Николы, повторялись черты византийского прототипа строгого святителя, ревниво оберегающего свое достоинство, наказывающего простых людей за недостаточное внимание и почитание. Он беспощадно карает жену некую за то только, что в день его праздника та не пошла в церковь, занявшись домашними делами, — рассказывается в «Чтении о житии и погублении блаженную страстотерпия Бориса и Глеба», написанном Нестором в 70—80 годах XI в.²⁹

Однако постепенно и скоро Никола в русском представлении приобретает другой, во многом противоположный, характер, превращаясь из сурового и страшного святого в доброжелательного покровителя и помощника простых людей. Такую направленность получают его новые, русские «чудеса», например спасение отрока, утонувшего в Днепре. Такой же характер обнаруживает поведение его в русских былинах: покровитель мореплавателей и купцов, Никола вызволяет Садко из подводного царства. Таким же рисуется он в русских народных сказках: покровитель и друг

²⁴ Н. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947, стр. 290—291.

²⁵ Собр. ГРМ, № 2090.

²⁶ Собр. ГРМ, К-61.

²⁷ В. Георгиевский. Фрески Ферапонтьева монастыря. СПб., 1911, табл. V, VI.

²⁸ Арх. Леонид. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского..., стр. 106—107.

²⁹ Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916, стр. 23.